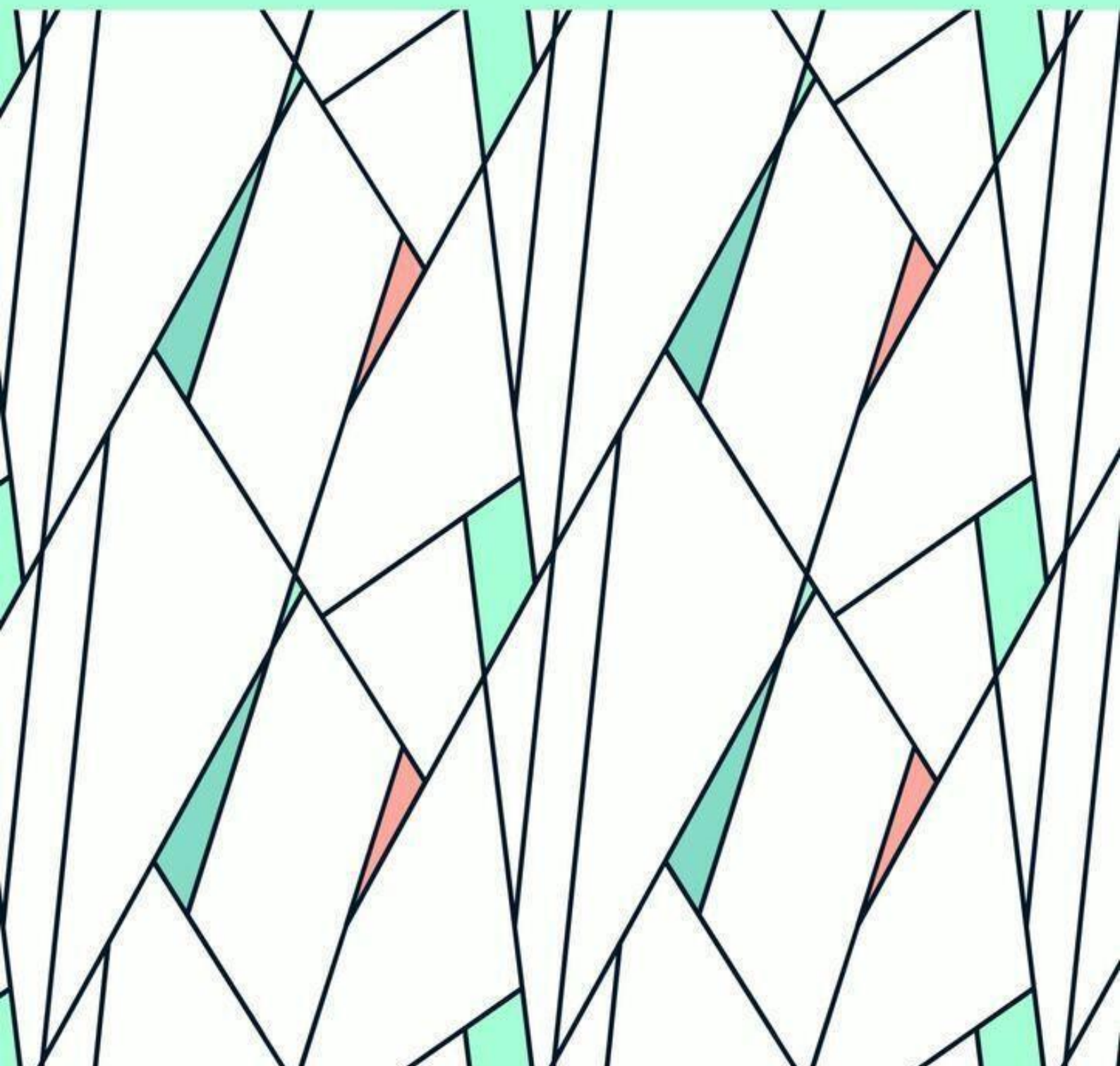


18+

Роман Кальгаев
*Социальная демократия
в социуме XXI века*



Роман Кальгаев

**Социальная демократия
в социуме XXI века**

«Издательские решения»

Кальгаев Р.

Социальная демократия в социуме XXI века / Р. Кальгаев —
«Издательские решения»,

«Социальная демократия в социуме XXI века» — нон-фикшн о судьбе социал-демократических идей в современном мире. В книге — история welfare state, кризис европейских партий, скандинавская модель, вызовы цифровизации и глобализации, эксперименты с базовым доходом, специфика постсоветского пространства и возможные пути обновления движения.

© Кальгаев Р.

© Издательские решения

Содержание

Социальная демократия	6
Глава 1. Исторические корни социальной демократии	7
Глава 2. Кризис европейской социал-демократии	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Социальная демократия в социуме XXI века

Роман Кальгаев

© Роман Кальгаев, 2026

ISBN 978-5-0071-4095-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Социальная демократия в социуме XXI века

Оглавление

Введение

Глава 1. Исторические корни социальной демократии
Глава 2. Кризис европейской социал-демократии
Глава 3. Скандинавская модель: успех под давлением
Глава 4. Глобализация и социальное государство
Глава 5. «Третий путь» и его последствия
Глава 6. Новые вызовы: цифровизация, искусственный интеллект и труд
Глава 7. Универсальный базовый доход и новые инструменты социальной политики
Глава 8. Социальная демократия в постсоветском пространстве и России
Глава 9. Будущее социальной демократии
Заключение
Введение

Сорок лет назад социал-демократия казалась несокрушимой. В странах Западной Европы левые и левоцентристские партии регулярно получали 30—40% голосов, формировали правительства, определяли повестку. Государство всеобщего благосостояния — с бесплатным здравоохранением, всеобщими пенсиями, мощной системой социальной защиты — воспринималось не как идеологический выбор, а как естественное состояние развитого общества. Сегодня всё выглядит иначе. Средняя доля голосов, отданных за социал-демократов в странах Европы, сократилась более чем на 10% с момента Великой рецессии 2008 года, и тенденция к снижению сохраняется. Во Франции Социалистическая партия фактически потеряла статус общенациональной силы. В Австрии одна из самых исторически сильных социал-демократических партий показала худший результат с 1918 года. Даже в Скандинавии, долго служившей моделью для всей европейской социал-демократии, наблюдается устойчивая тенденция к снижению поддержки.

Эта книга — попытка разобраться, что произошло. Почему движение, которое десятилетиями определяло лицо европейской политики, оказалось в глубоком кризисе? Какие внешние и внутренние силы привели его к этому состоянию? И главное — есть ли у социальной демократии будущее в мире, который стремительно меняется под воздействием глобализации, цифровизации, искусственного интеллекта, миграционных потоков и демографического старения?

Я не ставлю задачу дать окончательные ответы. Скорее, это карта территории — попытка обозначить ключевые проблемы, показать, как они связаны между собой, и наметить возможные пути развития. Книга опирается на исследования политологов, социологов и экономистов — как российских, так и зарубежных, — на анализ электоральной статистики и программных документов партий, на опыт практической реализации социальных реформ в разных странах.

Социальная демократия в XXI веке — это не просто академическая тема. От того, смогут ли общества найти баланс между свободой рынка и социальной справедливостью, между глобальной открытостью и национальной солидарностью, между технологическим прогрессом и человеческим достоинством, зависит слишком многое. Кризис социал-демократии — это симптом более широкого кризиса: кризиса политических систем, которые строились в XX веке для индустриального общества и теперь с трудом справляются с реальностями века XXI.

Глава 1. Исторические корни социальной демократии

Чтобы понять, где находится социальная демократия сегодня, нужно проследить, откуда она пришла. Её корни уходят во вторую половину XIX века, когда индустриализация создала массовый рабочий класс, а вместе с ним — массовое рабочее движение. Первые социал-демократические партии возникали как политические представители этого движения, стремившиеся улучшить положение трудящихся через парламентские средства.

Классическая концепция Сеймура Мартина Липсета и Стейна Роккана описывает формирование партийных систем Европы под влиянием четырёх решающих структурных размежеваний: между центром и периферией, государством и церковью, городом и селом, собственниками и рабочими. Возникновение и развитие левых партий было обусловлено именно последним размежеванием — по линии «частные собственники — наёмные рабочие». Социал-демократия выросла из этого конфликта и десятилетиями черпала из него свою политическую энергию.

Первый важный поворот в истории социал-демократии произошёл на рубеже XIX и XX веков, когда в рамках социалистического движения оформился раскол между реформистским и революционным течениями. Реформисты, представленные прежде всего германской социал-демократией, верили в возможность постепенного преобразования капитализма через парламентскую законодательную деятельность. Революционеры, группировавшиеся вокруг Ленина и большевиков, настаивали на сломе буржуазного государства. Этот раскол, закреплённый окончательно после 1917 года, определил различие между социал-демократией и коммунизмом на весь XX век.

В межвоенный период социал-демократические партии Европы постепенно отходили от марксизма. Важной вехой стала Годесбергская программа СДПГ 1959 года, которая официально отказалась от марксистского наследия и провозгласила цель «демократического социализма» — общества, в котором социальная справедливость достигается не через национализацию средств производства, а через государственное регулирование рынка, социальное перераспределение и расширение социальных прав.

Золотой век социал-демократии пришёлся на период после Второй мировой войны. Восстановление Европы, экономический рост, холодная война и страх перед коммунистической угрозой создавали уникальные условия, при которых правящие элиты были готовы пойти на серьёзные социальные уступки. Государство всеобщего благосостояния стало не только политическим проектом левых, но и предметом широкого межпартийного консенсуса. Даже консервативные партии в большинстве стран Европы приняли основные принципы социального государства, что в политологии получило название «неконсенсусной демократии» — системы, при которой проигравшие на выборах не отменяют решения победителей, а новые правительства продолжают политику предшественников в социальной сфере.

Датский социолог Геста Эспинг-Андерсон в своей классической работе выделил три типа социального государства: либеральное (с минимальной поддержкой, ориентированной на самых нуждающихся — пример США и Великобритании), консервативное (с системой страхования, привязанной к трудовому стажу — пример Германии и Франции) и социал-демократическое (с универсальными программами для всех граждан — пример скандинавских стран). Все три типа окончательно сложились в 1950-е годы и в той или иной форме существуют до сих пор, хотя каждый из них прошёл через серьёзные трансформации.

Национальная социал-демократия, как отмечают исследователи, возникла отчасти из страха перед социальными битвами и классовыми конфликтами. После Октябрьской революции правящие классы в странах Запада осознали, что без серьёзных социальных уступок им грозит революционный взрыв. Социал-демократия сыграла роль того самого «клапана», кото-

рый позволил выпустить пар социального недовольства, не доводя дело до революции. Она обеспечила классовый мир и продуктивное сотрудничество между трудом и капиталом — и в этом была её историческая функция. Но после краха коммунизма в 1989—1991 годах этот страх исчез — а вместе с ним исчез и важнейший фактор, поддерживавший готовность правящих классов к социальному компромиссу.

Крах СССР и разрушение мировой социалистической системы имели для социал-демократии парадоксальные последствия. С одной стороны, она победила в историческом споре с коммунизмом — доказала, что социальную справедливость можно достигать через демократические институты, а не через диктатуру. С другой стороны, лишилась «страшного врага», который вынуждал капиталистические элиты идти на уступки. Не случайно именно после 1991 года в западных странах началось наступление на социальное государство — под лозунгами неолиберализма, приватизации и дерегулирования.

Глава 2. Кризис европейской социал-демократии

Состояние, в котором находится европейская социал-демократия сегодня, чаще всего описывается словом «кризис». Но что именно означает этот кризис и каковы его причины?

Прежде всего, кризис носит электоральный характер. Социал-демократические партии теряют голоса избирателей — и делают это на протяжении уже нескольких десятилетий. Падение началось в конце 1970-х — начале 1980-х годов, когда кейнсианская модель, на которой базировалась социал-демократическая политика, стала давать сбои. Оказалось, что она плохо совместима с эпохой глобализации, информационно-компьютерных технологий и «новой экономики». Стагфляция — одновременный рост безработицы и инфляции — поставила под сомнение ключевой инструмент кейнсианства: государственное стимулирование спроса.

Но если в 1980-х годах кризис казался временным, то после 2008 года он приобрёл системный характер. Финансово-экономический кризис 2008—2009 годов стал серьёзным испытанием для европейской социал-демократии. Глобальная рецессия поставила перед социал-демократами вопрос: какова их альтернатива неолиберализму? И выяснилось, что чёткой альтернативы у них нет. Критикуя «рыночный фундаментализм» и «слепую веру в рынок», социал-демократы не могли предложить собственного плана выхода из кризиса. Казалось бы, именно они — сторонники контроля над рынками и активной социальной политики — должны были получить максимальные электоральные дивиденды от финансового кризиса. В реальности же поддержка социал-демократических партий в 2007—2013 годах сократилась примерно на 5%.

Вторая причина кризиса — идеологическая. Отказавшись в 1950-е годы от марксистского наследия, отбросив на рубеже XX и XXI веков кейнсианство и разочаровавшись после кризиса 2008 года в прорыночном «третьем пути», социал-демократия не смогла предложить какую-либо равновеликую им альтернативную концепцию. Её идеология размыта, ей недостает собственного видения будущего. В партиях не просматриваются яркие, харизматичные лидеры масштаба Вилли Брандта. Нет в её рядах и крупных мыслителей. Сегодня можно говорить о том, что социал-демократия пребывает в духовном застое.

Третья причина связана с изменением социальной структуры общества. В начале XXI века в западном обществе возникли новые линии социальных размежеваний, которые социал-демократия своевременно не приняла во внимание. Классическое размежевание «собственники — наёмные рабочие», из которого выросла социал-демократия, уступило место новому — между сторонниками глобализации и приверженцами национального государства. Этот новый раскол разрезает общество не по классовой линии, а по ценностной, и социал-демократические партии оказались к нему не готовы.

Четвёртая причина — внутрипартийная. Стремясь преодолеть кризис 1970-х годов, социал-демократия в 1990-е стала смещаться вправо, отказываясь от кейнсианской модели и подчёркивая преимущества рыночной экономики. Результатом стал стратегический поворот к «третьему пути» — попытке соединить рыночную эффективность с социальной справедливостью, представленная прежде всего лейбористской партией Великобритании во главе с Тони Блэром и СДПГ под руководством Герхарда Шрёдера. От традиционной социал-демократии «новая» отличалась тем, что ключевым инструментом достижения своих целей считала не государство, а свободный рынок, конкуренцию и предпринимательство. Почти полностью были отброшены те элементы социалистической утопии, которые ещё сохранялись в идеологии социал-демократии «старой».

Этот поворот имел двойственные последствия. С одной стороны, он позволил партиям получить голоса «нового среднего класса» — образованных горожан, работающих в сфере услуг и культуры. С другой — привёл к потере значительной части традиционной базы: людей

наёмного труда в промышленных профессиях, которые лишились привычного образа жизни и заработка. Вместо того чтобы разрабатывать политику в интересах этих социальных групп, лидеры партий решили сместить приоритеты и найти новых избирателей среди городского среднего класса. Традиционный электорат оценил это как предательство — и стал уходить к правым популистам.

Сдвиг в сторону «третьего пути» не может быть стабильным, ведь электорат в центре не является ядром социал-демократов. Он может проявлять значительную гибкость и колебаться в своих предпочтениях. Сегодня избиратели центра выбрали левоцентристов, а завтра проголосуют за правоцентристов, «зелёных», новых левых или христианских демократов — это привычный паттерн поведения в Европе. В то же время бывший рабочий электорат, потерявший связь с социал-демократами, всё чаще выбирает правых популистов, которые предлагают простые ответы на сложные вопросы — ограничение иммиграции, защиту национальной идентичности, возвращение «старых добрых времён».

Пятая причина — институциональная. Профсоюзы, исторически служившие опорой социал-демократии, утратили реальную переговорную силу на рынке труда. Глобализация позволила капиталу перемещать производства в страны с дешёвой и слабо защищённой рабочей силой. Переговоры между работодателями и профсоюзами стали менее эффективными: бизнесу проще перенести производство, чем уступать. Численность профсоюзов сокращается, их влияние на политику падает, а вместе с ними слабеет и организационная база социал-демократических партий.

Наконец, нельзя не упомянуть фактор, который часто упускают из виду, — ценностный разрыв между руководством партий и их избирателями. Если партийные элиты настроены в общем проглобалистски, поддерживают мультикультурализм, открытые границы и прогрессивную культурную повестку, то многие их избиратели более консервативны. Они не понимают, почему партия, которая должна защищать их экономические интересы, занимается вместо этого проблемами, которые кажутся им далёкими и непонятными. Этот разрыв между «шереметьевскими» элитами и «поповскими» массами — метафора из русской литературы, но она удивительно точно описывает ситуацию в современной европейской социал-демократии.

Испанский вариант кризиса особенно показателен. Испанская социалистическая рабочая партия (ИСРП), одна из старейших социал-демократических партий Европы, переживала упадок в течение нескольких лет после 2010 года, когда её правительство в условиях экономического кризиса перешло от кейнсианского стимулирования к монетаристским решениям. К партийным трудностям добавились коррупционные скандалы. На выборах 2015 года политический ландшафт Испании кардинально изменился: заявили о себе новые партии — леворадикальная «Подemos» и правоцентристская «Сьюдаданос», заметно потеснившие традиционных лидеров. Около полутора миллионов бывших избирателей ИСРП проголосовали за «Подemos», причём молодёжь не видела разницы между двумя традиционными партиями — правой и левой.

Есть и те, кто оспаривает сам тезис об «экзистенциальном кризисе». Согласно этой точке зрения, работают известные законы выборных циклов: за восходящей фазой следует нисходящая, а затем — новая волна. В этом смысле падение социал-демократии — не окончательный упадок, а часть естественного электорального ритма. Подтверждением может служить победа британских лейбористов на выборах 2024 года, когда партия получила беспрецедентные 411 мест в парламенте. Этот результат с эйфорией был воспринят как «историческая победа возрождённой социал-демократии» и альтернатива правому популизму в Европе. Однако скептики замечают, что победа лейбористов в значительной степени была обусловлена не столько их собственной популярностью, сколько крахом консерваторов после четырнадцати лет у власти.

В Германии в 2026 году политический ландшафт переживает тектонические сдвиги. Земельные выборы демонстрируют дробление электорального поля и утрату управляемости, которая десятилетиями казалась незыблемой. Христианско-демократический союз канцлера Фридриха Мерца впервые в истории не преодолел проходной барьер в земле Мекленбург-Передняя Померания. В Берлине победили «Левые», а «Альтернатива для Германии» стала третьей силой. Системообразующие партии — ХДС и СДПГ — теряют монополию на политическое представительство, и политическая система Германии движется к стандарту менее крупных европейских стран вроде Бельгии или Нидерландов, с их неустойчивыми коалиционными кабинетами. СДПГ в этом процессе теряет не меньше, чем её традиционный соперник ХДС, — а может, и больше, поскольку электорат левых раскалывается между социал-демократами, «Зелёными» и «Левыми».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.